

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovvictor.ru/> Приятного чтения!

Судак. Виктор Платонович Некрасов

– 1 –

Вергасов выехал из орешника, и впереди под холмом показалась Гусинка, село, в котором расположилась третья рота. Серко, избавясь наконец от непрерывно стегавших его по глазам ореховых веток, сразу прибавил шагу.

Было жарко, как и положено на Украине в июле месяце, солнце стояло почти над самой головой, но Вергасов только что выкупался, дважды переплыл речку туда и обратно и чувствовал себя сейчас свежо и бодро. Собственно говоря, и без купания у него не было оснований чувствовать себя иначе – ему было двадцать пять лет, здоровьем природа его не обидела, в полку его любили, в штабе дивизии считали одним из лучших командиров батальона. Вчера к тому же закончились инспекторские занятия, к которым готовились чуть ли не месяц, закончились неплохо, даже хорошо – комдив отметил батальон Вергасова в своем заключительном слове, – и теперь, после месяца напряженной работы, можно было, в ожидании отправки на фронт, немного отдохнуть.

Правда, в армии отдых – понятие условное, особенно на переформировке, – что бы там ни было, надо копать траншеи и вообще заниматься каким-то делом, – но все-таки это не тактические занятия.

Сейчас Вергасов объезжал роты, хотя большой надобности в этом не было, – просто захотелось прогуляться.

Проехав мостик, Вергасов перешел на галоп и, разгоняя во все стороны неистово кудахтавших кур, вихрем пронесся по улице. Стоящий у штабной хаты часовой, еще издали завидев комбата, сразу же отвернулся от хозяйской дочки Мариси, чистившей во дворе картошку, быстрым движением поправил пилотку, гимнастерку и ремень и застыл с безразличным выражением лица, которое считается почему-то необходимым для часового.

Вергасов осадил коня.

– Где старший лейтенант?

– У себя, товарищ капитан, – не меняя выражения лица, ответил боец. – Позвать?

– Позвать.

– Дежу-у-рный!

В дверях показался молодой, круглолицый, дожевывавший что-то сержант. Увидав комбата, он скрылся, почти тотчас появился опять и рысцой, застегивая на ходу ремень, подбежал к Вергасову.

– Спал небось?

– Никак нет, товарищ капитан.

– А чего физиономия помятая?

Сержант пощупал ладонью лицо, словно проверяя, действительно ли оно помятое, – на самом деле оно было по-молодому свежим и гладким – и сказал:

– А это так, товарищ капитан... от усталости.

– От усталости. Знаем мы вашу усталость. Спать по ночам надо, сержант. Ясно?

– Ясно, товарищ капитан. – Сержант понимающе улыбнулся и зачем-то даже козырнул. Часовой тоже ухмыльнулся.

– Позови-ка старшего лейтенанта.

Сержант сорвался с места и, придерживая рукой звенящие на груди медали, побежал

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
звать командира роты.

Вергасов полез за портсигаром, раскрыл его и протянул часовому.

– Закурим, что ли?

– Мне нельзя, товарищ капитан, – лицо часового приняло опять безразличное выражение.

– А ты на после-обеда. Бери, бери, не бойся. «Казбек», в штадиве вчера давали.

Боец осторожно, точно боясь запачкать другие папиросы, вынул одну и сунул за ухо.

– А тебе можно? – Вергасов повернулся к сидевшей на крылечке хитроглазой, краснощекой Марисе.

– Смиетесь, чи шо?

– Боишься, что румянец потеряешь? А?

Вергасов въехал в калитку и остановился над Марисей.

– А ну вас, товарищ каштан! – Марися притворилась, что испугалась лошади, и слегка отодвинулась.

Вергасов наклонился и шутиливо пустил ей дым в лицо.

– Замуж тебя, Марися, отдать надо, вот что. А то вот уйдем скоро, совсем скучно станет.

Марися прыснула и уперлась ладонью в потную лошадиную грудь – не подходи, мол.

– И не соромно вам, товарищ капитан!

– Ну ладно, принеси тогда водички.

Марися ловко повернулась на пятках и побежала в хату.

В калитку входил командир роты, любимец Вергасова, старший лейтенант Коновалов. Сталинградец, в прошлом моряк, до безрассудства смелый и прекрасно знавший, что за это ему многое прощается, он давно уже был бы в дивизионной разведке, если бы не Вергасов, который не отпускал его от себя. Коновалов был катастрофически ряб, что нисколько не мешало ему быть «первым парубком на селе» благодаря силе, ловкости и твердой вере в свою неотразимость.

– Старший лейтенант Коновалов прибыл по вашему приказанию, – отчеканил он, неторопливо поднося согнутую ладонь к правой брови и щелкнув шпорами, с которыми никогда не расставался, так же как и с тельняшкой и морским ремнем, – сочетание несколько забавное, но и девушкам и самому Коновалову весьма нравившееся.

Вергасов глянул на тельняшку.

– Опять?

– Поправился на деревенских харчах, не застегивается, – одними глазами улыбнулся Коновалов, показывая, что пытается, но никак не может застегнуть пуговицу воротничка.

– И бляха флотская.

Коновалов снова улыбнулся.

– Что поделаешь, не выдает ОВС ремня, сколько раз просил.

– А люди где?

– Работают люди.

– Работают?

– А как же. Вторую линию обороны делают. Я им лоботрясничать не разрешаю.

– И этот тоже работает? – Вергасов показал на проходившего по соседнему участку солдата с двумя ведрами в руках.

– Этот? – Коновалов стрельнул глазами в сторону солдата. – Так это же Качура. Вчера консервами отравился. Я ему освобождение дал.

– Ну смотри. – Вергасов наклонился к Марисе, которая давно уже стояла с кружкой в руке.

– Пойдешь за Коновалова, Марися? А?

– От пристали. Да берите вже воду...

Капитан с аппетитом выпил холодную воду и, возвращая кружку, сделал вид, что хочет схватить и посадить Марисю в седло. Марися расхохоталась и отбежала к крыльцу.

– Ох, боюсь, Коновалов, не вырвешься ты отсюда, – рассмеялся Вергасов и дружелюбно сбил пилотку с его головы. – Так, говоришь, работают?

– Работают.

– Пойдем, что ли, посмотрим? – Вергасов сделал движение, будто хочет соскочить с коня.

– Пойдем, чего же, – невозмутимо ответил Коновалов.

На самом деле коноваловская рота после тактических занятий поголовно отдыхала. И Вергасов знал это – он только что проезжал мимо второй линии обороны, и там ни души не было – и Коновалов тоже знал, что капитан обо всем догадывается, и оба они сейчас играли в игру, и обоим она доставляла удовольствие, так же как и без конца повторявшийся эпизод с тельняшкой и бляхой.

«Комроты – дай бог! – подумал Вергасов, глядя на подтянутую, но не слишком, а в меру, как и положено настоящему офицеру-фронтовику, фигуру Коновалова. – С ним бы до Берлина...»

А Коновалов, в свою очередь, подумал: «И повезло мне, черт, на комбата. За ним как за стеной каменной...»

Вергасов посмотрел на часы.

– Нет, не успею, третий час уже. Надо еще во вторую съездить. Отремонтировали там мостик?

– Так мимо мельницы скорей, – ответил Коновалов.

Вергасов понял, что мостик как был, так и остался, но ничего не сказал и тронул поводья.

– Бувай, Марися. Подумай, о чем говорили, – и выехал за калитку.

– 2 –

Ильин – недавно прибывший в полк командир второй роты – сидел на завалинке и писал. Он не заметил, как подъехал Вергасов.

– Прохлаждаетесь? – спросил Вергасов.

Ильин вздрогнул и встал.

– Письмо пишу.

– Письмо пишете. А люди где?

– Люди отдыхают.

– Отдыхают?

– Отдыхают.

Вергасов оглядел Ильина с головы до ног – всю его тощую фигуру в широкой, вылезшей сзади из брюк выцветшей майке.

– Приведите себя в порядок, товарищ лейтенант.

– Простите... – сказал Ильин и, заправляя майку в брюки не в том месте, где она вылезла, пошел к хате.

Он почти сразу опять вышел, в гимнастерке и пилотке. Гимнастерка была коротка и с заплатой внизу, пилотка же сидела ровно посреди головы, как носят только люди, никогда не бывавшие на фронте.

– Теперь объясните мне, почему у вас рота отдыхает, а не работает?

– Вчера кончились тактические занятия, – сказал Ильин, – люди устали. Вот я и решил...

– Я не спрашиваю вас, что вы решили. Я спрашиваю, почему люди не работают.

– Я объясняю. Вчера кончились тактические занятия...

– Это было вчера. А я вас спрашиваю, почему люди сегодня не работают? Вы понимаете? Не вчера, а сегодня.

Ильин, очевидно, не понял, так как молча пожал плечами.

– И не пожимайте плечами, когда вас спрашивают. В армии плечами не пожимают. Вы сейчас в армии, а не у себя дома. Ясно?

– Ясно, – не глядя на капитана, ответил Ильин, и некрасивое, с близорукими глазами и слишком большим лбом лицо его покраснело.

«И чего это он всегда в сторону смотрит? – подумал Вергасов. – С ним говоришь, а он всегда куда-то в сторону».

– Выстройте-ка людей, – Вергасов посмотрел на часы. – Пять минут сроку даю.

Капитан соскочил с лошади, не глядя кинул поводья солдату и зашагал по двору.

Ильин попал к нему в роту каких-нибудь две недели тому назад. Попал на место подорвавшегося на mine Кузовкина, опытного, боевого командира, с которым Вергасов провоевал весь Сталинград. Вергасов собирался заменить его Сергеевым, толковым парнишкой из командиров взводов, но ему прислали этого Ильина, который и порошу-то никогда не нюхал, – вот и воюй с ним.

Собственно говоря, пока Вергасову особенно нечего было жаловаться на Ильина. Рота от других не отставала, на тактических занятиях прошла тоже неплохо, но при чем тут Ильин? Вытянули командиры взводов и сами солдаты. А Ильин? Как все здоровые и веселые люди, Вергасов любил таких же веселых и здоровых, как он сам. Поэтому он любил Коновалова, с которым и воевать хорошо, и выпить можно, и песню лихую спеть. Парень как парень. А этот? Подойти отрапортовать и то не может. Руки как грабли, ноги журавлиные, голенища болтаются. С солдатами разговаривает, точно одолженья у них просит. Рыба какая-то малокровная, а не командир...

Ильин вернулся и доложил, что рота сейчас будет выстроена.

– А документация и отчетность у вас в порядке? – спросил Вергасов.

– В порядке, – сказал Ильин.

– Покажите-ка.

Ильин направился в хату.

– Вы заместителя пришлите, – крикнул Вергасов вдогонку. – Чего вы сами все бегаєте?

– Он болен, товарищ капитан. Приходится самому.

«Конечно ж, самому. А другого на его место временно назначить не додумается».

Документация оказалась в полном порядке. Все было написано чернилами, четким красивым почерком.

– Вы что же, и на передовой собираетесь чернилами писать?

– Если не будет чернил, буду карандашом, – попытался улыбнуться Ильин.

Вергасов, почти не держась рукой, вскочил в седло и вполоборота кинул Ильину:

– Позанимайтесь сейчас строевой. Лично вы. Ясно? Завтра приду проверю.

За воротами он свернул влево и направился к Коновалову, но на полпути вспомнил, что в 18:00 нужно отправить в штадив карту обороны батальона, и, выругавшись про себя, затрусил рысцой в сторону мельницы.

«Куда б его сплавить, черт возьми? – думал он дорогой. – Поговорить, что ли, с Петрушанским? Наверно, им в штабе такой тип нужен. Геморройной работы у них хватает. А я бы Сергеева на его место поставил. Ей-богу, поговорю с Петрушанским».

– 3 –

На другой день Вергасов приехал все-таки во вторую роту. Зачем – он и сам точно не знал. Проверять строевую подготовку не было никакого смысла – люди готовились не к параду, а к войне, да и батальон по строевой считался первым в полку, но погода стояла хорошая, проехаться верхом приятно, а на обратном пути можно и к Коновалову заглянуть. Одним словом, поехал.

Ильина он застал в поле. Человек десять солдат, без рубашек и совсем коричневые от загара, сидели вокруг него кружком, а он что-то рассказывал.

Когда Вергасов приблизился, все встали, и командир роты отрапортовал, что в таком-то взводе идут политзанятия. Голос у Ильина был глухой, тихий, и, когда он докладывал, казалось, что он в чем-то оправдывается. В одном месте он запнулся и, наклонив голову и наморщив брови, три раза повторил одно и то же слово.

– Вольно, – сказал Вергасов и соскочил с коня. – Стреножьте-ка его, ребята! – И, повернувшись к Ильину, спросил: – Какая тема?

– Занятий? – спросил Ильин.

– Конечно, занятий. А чего ж?

– Французская революция.

– Какая, какая революция? – не понял Вергасов.

– Французская.

– Почему французская?

– Просто заинтересовались бойцы, я вот и решил...

– Опять решили. Все вы решаете. Вчера отдохнуть решили, сегодня заниматься историей. А воевать кто будет? А?

Ильин, по своему обыкновению, смотрел через плечо комбата куда-то в пространство.

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru

– Воевать кто будет, я вас спрашиваю? Дядя?

Вергасов прошелся взад и вперед. Солдаты стояли и молчали.

– Гранаты есть учебные?

– Есть, – ответил Ильин.

– Будем гранаты бросать. Пошлите за гранатами.

Пока один из солдат бегал в село, Вергасов шагал взад и вперед и ни с кем не разговаривал. Бойцы молча курили. Солдат вернулся, Вергасов взвесил на руке деревянные чурки, скинул ремень, выбрал гранату потяжелей и, разбежавшись, кинул ее в небо.

– Вот это да!.. – вырвалось у кого-то из солдат.

Граната упала далеко за кустами. Отмерили, вышло шестьдесят восемь шагов.

Потом по очереди кидали солдаты, кидали неплохо, но ни один не докинул до того места, куда упала граната капитана. После каждого броска мерили расстояние шагами, и Ильин записывал в записную книжку. Скванность и неловкость первых минут рассеялись сами собой. Солдаты, как всегда во время физических упражнений, веселились, смеялись, по нескольку раз «перебрасывали», желая побить комбата, но побить так и не смогли. Вергасов бросил еще раз, но уже поближе, все на него дружески зашикали, а он, потирая плечо, сказал:

– Без тренировочки, братцы, и водки больше стакана не выпьешь.

Все расхохотались.

Вергасов поднял с земли ремень, затянул его потуже – он гордился своей тонкой талией – и поправил портупею.

– Что ж.. Неплохо. Думал, что хуже, – и, будто только сейчас заметив стоявшего в стороне с записной книжкой Ильина, спросил его:

– А вы что же?

Ильин глянул на капитана и стал засовывать записную книжку в боковой карман. Он был туго набит, и книжка никак не хотела влезать. Солдаты сразу умолкли. Вергасов выбрал из гранат одну и подал ее Ильину.

– Прошу.

Тот взял и отошел на несколько шагов.

– Ремешок бы скинули... – посоветовал вполголоса кто-то из бойцов.

Ильин торопливо снял ремень и вдруг побежал и бросил гранату. Бросил неловко, как-то по-женски, через голову. Она медленно и словно нехотя завертелась в воздухе, упала шагах в тридцати и откатилась в сторону.

Солдат сбегал и принес ее. Расстояния никто не мерил. Ильин, долго и ни на кого не глядя, застегивал ремень.

– 4 –

В коноваловской хате, самой просторной и удобной, праздновалась годовщина вступления Вергасова на должность командира батальона. На торжество приглашены были даже командир полка, замполит и начальник штаба. Они, правда, посидели недолго: у майора Филиппова, съевшего что-то жирное, начался обычный приступ печени, и замполит увел его, а начальника штаба вызвали срочно по телефону, и он больше не вернулся.

Осталась одна молодежь: комбат-1, хохотун-сибиряк Платонов, знаменитый на весь полк тем, что после бани всегда выбегал на снег; маленький, похожий на цыгана Хейломский – командир второго батальона; командиры рот, за исключением Ильина – он дежурил по батальону, – и человек пять командиров взводов.

С уходом начальства стало проще и веселей. Скинули ремни, а затем и гимнастерки, затянули «Хмелю», «йихав козак на виноньку», «По долинам и по взгорьям», а когда надоело петь, начали бороться, делать стойки, мосты и, упершись на углу стола локтями, с налитыми кровью лицами пытались отогнуть друг другу руки. Коновалов, не упускавший любого предлога, чтобы показать свою мускулатуру, снял майку и даже в минуты отдыха принимал напряженные позы, которые наиболее выгодно показывали его лятусы, бицепсы и грудные мышцы.

Потом пошли купаться – ночь была теплая и лунная – и Вергасов с Коноваловым плавали наперегонки, ныряли, фыркали, брызгались; Платонов, закинув руки за голову, лежал без движения на воде, выставив свой громадный живот, и говорил, что может так даже спать; Хейломский изображал, как плавают женщины, гребя сразу двумя руками и шумно хлопая ногами по воде. Одним словом, веселились вовсю.

Часам к двенадцати все устали и постепенно разбрелись по домам. Вергасов пошел ночевать к Коновалову. Они разделись, стали укладываться, и оказалось, что ни тот, ни другой спать не хотят.

– Может, еще по маленькой?

Коновалов подошел к столу и налил по полстакана.

В окно постучали.

– Кто там?

– К вам можно, товарищ капитан? – донесся снаружи голос Ильина.

– Заходи.

В сенях хлопнула дверь, что-то упало, закудаhtала курица. Наклонив голову, чтобы не удариться о притолоку, вошел Ильин.

– Чего там? – недовольно спросил Вергасов.

– Из «Гранита» звонили.

– Ну?

– К семи ноль-ноль к тридцать первому вызывают.

– И это все?

– Все.

– И для этого вы специально пришли?

– Да.

Вергасов протяжно свистнул и отодвинул ногой стоявший у стола табурет.

– Садитесь-ка, раз уж... – и не закончил.

Ильин снял пилотку и сел.

– Водку пьете?

Ильин пожал плечами.

– Я ж дежурный, товарищ капитан...

Вергасов потянулся за бутылкой.

– Ничего, я разрешаю. Сегодня разрешаю.

Вергасов налил, и Ильин, не отрываясь, выпил весь стакан.

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru

У него выступили слезы, и, чтобы скрыть их, он низко наклонился над тарелкой. Коновалов весело рассмеялся.

– Сильна, брат?

– Сильна... – с трудом ответил Ильин, поперхнулся и вдруг закашлялся. Кашлял он долго, всем телом, и на лбу у него надулись жилы. Коновалов перестал смеяться и смотрел на него с удивлением и даже с интересом.

– Ты что, болен? А?

Ильин махнул рукой.

– Не в то горло попало. Бывает...

Коновалов снял со стены кобуру, вынул оттуда наган – он презирал пистолеты и свой старенький наган не менял ни на что, – уселся на кровати, поджав ноги, и, сказав: «Оружие прежде всего любит чистоту», – начал его разбирать.

Вергасов доедал винегрет. Ильин сосредоточенно ковырял ножом край стола. Руки у него были большие, белые, с длинными красивыми пальцами и тонкими, совсем не мужскими запястьями.

– Вы играете на скрипке? – неожиданно спросил Вергасов.

– Нет. – Ильин как будто удивился.

– А я думал, играете.

– Нет, не играю.

– На чужих нервах только, – откликнулся с кровати Коновалов и рассмеялся.

– А кем вы до войны были? – спросил Вергасов.

– Ихтиологом.

– Кем?

– Ихтиологом. Ихтиология – это наука о рыбах.

– О рыбах? – задумчиво сказал Вергасов. – Институт, значит, кончали?

– Кончал.

– А мне вот не пришлось... Все с винтовкой больше...

– Успеете еще, – улыбнулся впервые за все время Ильин, посмотрел на висевшие на стене голубенькие ходики и встал.

– Я пойду, товарищ капитан. Пора.

Вергасов потянул его за рукав.

– Успеете еще. Садитесь.

Вергасов исподлобья взглянул на Ильина и неожиданно почувствовал, что ему хочется с ним разговаривать. Он был в той приятной стадии опьянения, когда хочется разговаривать – не петь, не буянить, не показывать свою силу, а именно разговаривать. Причем, как это ни странно, именно с Ильиным. Он не понимал этого человека, не понимал, как, чем и для чего тот живет. Молчаливость и замкнутость Ильина он принимал за гордость, неумение – за нежелание или скорее даже за лень, застенчивость – за презрение к окружающим, – в общем, он не понимал его да, по правде говоря, не очень до сих пор и интересовался им. Теперь же в нем заговорило любопытство. Подперев рукой голову – она стала вдруг тяжелой и не хотела сама держаться, – он смотрел на Ильина, на его длинное, почему-то всегда усталое лицо, на большой, с залысинами, от которых он казался еще большим, лоб, на его белые, с длинными пальцами руки. И Вергасову захотелось сказать

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
что-нибудь приятное этому человеку, не слыжавшему от него до сих пор ни одного теплого слова – только замечания и указания. Сидит вот и бумажку какую-то на мелкие клочки рвет.

– Вы откуда родом? А? – спросил он, не зная с чего начать.

– Из Ленинграда, – не подымая головы, ответил Ильин.

– Красивый город. Я там был. В тридцать девятом году, когда на финскую ехал. Очень красивый город, ничего не скажешь.

– Красивый, – подтвердил Ильин.

– Один только день был. Петропавловскую крепость, Невский проспект видал. И коней этих знаменитых. Забыл, как тот мост называется.

– Аничков мост.

– Красивые кони. Здорово сделано. Совсем как живые.

– Красивые... – согласился Ильин, сгребая разорванные клочки бумаги в кучку на край стола.

Оба помолчали. Коновалов протяжно зевнул.

– Я, кажется, спать буду, капитан. Не собираешься?

– Оставь мне тюфяк. Я на тюфяке лягу.

– Ты начальник, – Коновалов аппетитно потянулся, – тебе нельзя. Тебе кровать полагается.

Через минуту он уже храпел.

– Хороший парень, – сказал Вергасов. – И офицер толковый.

Ильин посмотрел на спящего Коновалова, кивнул головой и встал.

– Я пойду, товарищ капитан. Третий час уже.

– Да куда вы рветесь? Садитесь. Кто там с вами дежурит?

– Кривенко, командир взвода.

– Вот пускай и посидит за вас. А мы с вами еще по одной.

– Спасибо, мне не хочется.

Вергасов, ничего не сказав, разлил остаток водки в стаканы и протянул один Ильину.

– Нельзя отказываться, когда начальство предлагает. Валяйте.

Ильин покосился сначала на стакан, затем на Вергасова, вытер зачем-то тыльной стороной руки рот, сделал несколько глотков и снова поперхнулся.

– Не могу больше... – Он сконфуженно улыбнулся.

Воцарилась пауза. В сенях завозились и закудахтали куры.

Вергасов прошелся по комнате, вернулся к столу, заткнул пустую бутылку пробкой и зачем-то поставил ее за комод. Ильин искал свою пилотку.

– Вот она, ваша пилотка, на кровати.

Ильин надел пилотку, помялся.

– Так не забудьте, в семь ноль-ноль.

– Не забуду.

Ильин козырнул и вышел.

Вергасов несколько минут ковырял вилкой винегрет, потом, подойдя к окну, распахнул его. На дворе светало, хотя солнце еще не взошло. С речки тянуло сыростью. Широкая деревенская улица была пуста, и только в самом ее конце, около церкви, маячила долговязая фигура Ильина, которого за километр можно было узнать по смешной, подпрыгивающей походке.

«Завтра же схожу к Петрушанскому», – решил Вергасов.

Он посмотрел на стол, который не хотелось сейчас убирать, прикрыл его газетой и, не раздеваясь, растянулся на кровати.

– 5 –

Это была последняя мирная ночь батальона. На следующую он выступал на фронт. А еще через две оказался на передовой.

Шла самая напряженная фаза боев. После долгого затишья наши войска форсировали Донец, захватили плацдарм и теперь расширяли его. Сплошной линии фронта не было. Была река с понтонными мостами, которые нещадно бомбились немцами, было одно накрепко захваченное большое село Богородничное, а остальное – рощи, лесочки, овраги, высоты, балки – заполнили передвигающиеся в разные стороны и часто находящиеся друг у друга в тылу части немцев и наших, которые то сталкивались, и тогда начиналась перестрелка, то расходились и опять сталкивались, только уже с другими отрядами, окапывались, потом получали приказ и куда-то перебрасывались, опять натывались на противника – одним словом, обстановка складывалась не слишком ясная, хотя и довольно обычная для первых дней боев на незнакомой местности.

Вергасов получил приказание захватить рошу «Тигр», в двухстах метрах западнее дороги Богородничное – Голая Долина, окопаться там, занять оборону и силами батальона разведать противника в районе высоты 103,2 и Г-образного оврага.

Вергасов больше всего в жизни любил такого рода операции, когда надо что-то искать, хитрить, когда нету этих чертовых, развитых в глубину оборон, с их бесконечными минными полями и заранее пристрелянными огневymi точками, когда авиация противника ничего не может сделать, так как сама не знает, где мы, где они, – короче, когда есть простор для тебя и для твоей инициативы.

Однако с первых же шагов Вергасова постигло разочарование. Тщательно продуманный план захвата роши применить не пришлось – немцев в ней не оказалось, и, кроме полусожженного «Бюссинга» и десятка ящиков со сгущенным молоком, трофеев тоже не было. Ну что ж, тем лучше. Вергасов в темноте занял оборону и тут же выслал разведку на высоту и в овраг. Разведчики вскоре приволокли языка – молоденького, очень хорошенького белобрысого мальчика – ефрейтора, подстриженного под бокс, который сказал, что немцы и не подозревают, что у них совсем под боком наш батальон, и даже считают, что Богородничное опять, мол, занято ими. В овраге, по его словам, не было никого, а на высоте 103,2 стоят только два пулемета – самый правый фланг правофлангового батальона 136 пехотного полка. Что находится правее, он не знает, – кажется, ничего. Парень говорил охотно и как будто не врал – у комбата был наметанный глаз.

Вергасов сразу же, еще на допросе немецкого ефрейтора, решил: высоту, пока темно, захватить, не дожидаясь приказания, а о результатах разведки и о принятом решении донести в штаб полка связным.

– Фриценка накормить и в штаб полка. Слышишь, Пастушков? А командиров рот ко мне.

Пастушков – пожилой и самый мудрый в батальоне, а может быть и во всем полку, солдат-ординарец – молча встал и шлепнул пленного пониже спины – пошли, мол.

Вергасов посмотрел на часы. Одиннадцать. До начала рассвета три часа. Успею. Он растянулся на мягкой пахучей траве. Роты хватит. Да какое там роты – двух

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
взводов хватит. Даже одного, если б с Коноваловым послать. Но на такую мелочь Коновалова не стоит. В самый раз Ильина попробовать. Пускай привыкает. С места в карьер. Операция несложная, людей у него пока много, командиры взводов толковые – сами за него все сделают. Раз уж не удалось его Петрушанскому спихнуть, пускай помаленечку привыкает. А тут все-таки хотя задача ерундовая, но есть какая-то ответственность, да и вообще лучше учиться воевать, держа инициативу в своих руках, чем подчиняясь воле противника. Вергасов не был сторонником того, что новичку надо вживаться в войну постепенно. Нет, как учить плавать – толкнуть в воду и все, только на мелком месте, чтобы не захлебнулся. А сейчас такое мелкое место как раз и подвернулось.

Пришли командиры рот. Вергасов перевернулся на живот.

– Ложись, хлопцы!

Командиры растянулись. Лиц их не было видно, лишь у Коновалова, как у кошки, глаза при каких-то поворотах головы отсвечивали красным.

– Дело, значит, такое, – начал Вергасов. – Будем сопку захватывать. Ту самую – 103,2. Фриценок говорит, там всего два станковых пулемета. Желательно захватить их так, чтобы они ни одного выстрела не сделали. Утром фрицы проснутся, а мы по ним – из их же пулеметов. К тому времени и о дальнейших действиях дам знать, с хозяином свяжусь, – Вергасов развернул карту и, присвечивая фонариком, показал на ней высоту, овраг и предполагаемое расположение противника. – На всю операцию даю три часа. К двум, когда начнет светать, все должно быть кончено. Ясно?

– Чего же неясно? Конечно, ясно, – процедил сквозь зубы Коновалов. – Я тебе и к часу кончу.

– К часу мне не нужно. А к двум. И поручаю я это второй роте, лейтенанту Ильину. Вы поняли задачу, Ильин?

– Понял, – тихо ответил Ильин.

– Если есть вопросы, прошу.

– Нет, вопросов нет.

– Насчет огня. В случае недоразумений поддерживать огнем будет Круглов, первая рота. Слышишь, Круглов?

– Поддержим, а как же.

– Ну вот и все.

– Разрешите идти тогда? – Ильин встал.

– Валяйте. Световые сигналы прежние, но старайтесь ими не пользоваться. О захвате высоты донесите связным. Идите.

Ильин, хрустя ветками, направился к опушке.

– Завалит, как пить дать! – проворчал Коновалов.

– Почему завалит? – спросил Вергасов.

– Вот увидишь.

– Не обязательно, – вставил Круглов, постоянный оппонент Коновалова. Достаточно одному из них сказать «да», как другой сейчас же говорит «нет».

– А я говорю – завалит.

– А ты не каркай.

– Я не каркаю, просто говорю. Нельзя давать человеку, да еще такому, первое задание ночью. Первое задание и засветло завалить ничего не стоит. А тут... Да он вместо высоты нашу роту опять захватит.

– Чепуха, – сказал Вергасов. – У него Сергеев, у него Жмачук, ребята все опытные.

– Ну, это твое дело, – сказал Коновалов. – Ты комбат, а не я. Не мне отдуваться. Можно идти спать?

– Иди.

– Бывайте. Авось ты меня своими пулеметами не разбудишь.

Звякнув шпорами, он пошел. Круглов тоже отправился. Вергасов остался лежать.

А может, Коновалов и прав, черт его забори? Может, лучше было Круглову поручить? Напутает там Ильин, растеряется, подымет трескотню, и вся затея с сопкой провалится. Ведь это у них первая стычка после Сталинграда, первая после пятимесячного перерыва. И вдруг в грязь лицом. Не скажешь потом, что не ты, а командир роты виноват...

Вергасов поднялся и начал вытряхивать забравшегося под рубаху муравья.

Ну да черт с ним. Раз отдал приказ – значит, отдал. И он опять стал убеждать себя, что процентов двадцать роты как-никак сталинградцы, что там Сергеев и Жмачук, что вообще не держать же роту в конце концов все время в резерве, раньше или позже придется и ей вступить в бой. Но веселое и приподнятое настроение пропало. Когда начальник штаба пришел доложить, что связной в штаб полка послан, Вергасов долго его отчитывал, придравшись к тому, что послали не Агеева, а Силина, хотя никакой разницы между Агеевым и Силиным не было – оба были исполнительными, хорошими связными.

– 6 –

Всю дорогу от села Червонотроицкое, где находился на формировке батальон, до Донца, сначала в вагонах, а позже на марше, Ильин думал об одном. Все его мысли сводились к одному слову – началось! И с каждым днем, каждым часом, каждой минутой это начало неизбежно приближалось. И вот подошло вплотную.

Ильин знал, что молодым, веселым ребятам и обоженным фронтовикам, как Вергасов и Коновалов, он – молчаливый, застенчивый, не привыкший к военным условиям комнатный человек, мог быть просто неприятен. Но оттого, что он понимал это, ему не было легче. Не было потому, что и Вергасов и Коновалов ему нравились, нравились своей веселостью, способностью всегда и везде чувствовать себя свободно и ловко, не унывать при любых обстоятельствах, ясно и просто относиться друг к другу. Солдаты их любили, уважали и немного побаивались. Начальство тоже любило, и они знали, как себя с ним держать, – не слишком развязно и не слишком вытягиваясь, спокойно, с достоинством офицеров, знающих себе цену. Между собой же, когда оставались одни, дурачились, как мальчишки, – возились, хохотали, ссорились из-за всякой ерунды и тут же мирились. Одним словом, хорошие и простые ребята. Он сам хотел быть таким, но знал, что никогда таким не будет.

В полку – Ильин сразу это понял – он никому не пришелся по душе. Он не умел, да и не хотел, скрывать свою робость, и это определило отношение к нему окружающих. Офицеры полка – в основном молодежь, со всеми присущими ей слабостями – после двух-трех попыток к сближению, из которых ничего не вышло, потеряли к нему интерес. Кто-то в шутку прозвал его «Судаком», и это прозвище настолько прочно к нему прилипло, что за глаза его иначе и не называли. На совещаниях он сидел в стороне, молча, и к нему никто не подходил. С солдатами он не мог найти общего языка – так ему, во всяком случае, казалось. Приказывать и требовать он не умел, никак не мог отделаться от «пожалуйста» и «попрошу вас», а в отношениях со старшиной – хитрым и оборотистым малым – просто становился в тупик.

И только с одним Сергеевым, командиром первого взвода, он чувствовал себя более или менее свободно. Это был молоденький – лет на шесть моложе самого Ильина – парнишка, с девичьим розовым личиком, без малейших признаков усов и бороды, что доставляло ему немало огорчений, но неглупый, смелый, дважды раненный и имевший уже орден за Сталинград. В полку с ним считались, и, если бы не отсутствие офицерского звания – он был сержантом, – его бы назначили командиром роты, о чем он давно мечтал. Однако, несмотря на то что место это досталось не ему, а неопытному и необстрелянному Ильину, он, увидев его неприспособленность, взял

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
его под свою защиту, хотя был и подчиненным и младшим по возрасту. И, нужно сказать, сделал он это очень деликатно.

Самое важное было – поддержать авторитет командира, причем командира, который авторитетом своим не очень дорожил и, пожалуй, не понимал всей его необходимости на фронте. Сергеев видел, что Ильин в военно-профессиональных вопросах разбирается так же плохо, как в военно-бытовых, но ни самому Ильину, ни солдатам этого не показывал. Он просто приглашал Ильина к себе на занятия, для проверки, мол, как они идут, и на этих занятиях учил командира вместе с солдатами.

Ильин это понимал, но словами благодарность свою никогда не выражал. Бойцы же, быстро раскусившие хитрость сержанта, сначала немного посмеивались и недоумевали, а потом привыкли и даже полюбили нового командира роты. Они, впрочем, не очень верили в его военные таланты и на любое задание предпочли бы идти с Сергеевым, Жмачуком или даже с Вовком – третьим командиром взвода, крикуном, хотя и опытным командиром. Но мягкость Ильина и его справедливость не могли им не нравиться.

Первая черта, впрочем, не очень нравилась Сергееву. Он воевал уже третий год и считал себя – и это так и было – хорошим и умеющим разбираться в боях командиром. Он любил своих солдат, и они его; зато, когда надо, мог и прикрикнуть, и отчитать, и дать, как говорится, чесу. Ильин ничего этого не умел. Но не в этом беда – есть командиры, которые никогда не повышают голоса и которых солдаты боятся как огня. У Ильина было другое – самое опасное для него, как для командира. С солдатами он держался даже не как ровня, а как младший со старшими. Ну, не знают они там математики или еще чего-нибудь, половина из них не очень грамотны, но они хорошо стреляют, бросают гранаты, ползают по-пластунски, могут в пять минут выкопать щель, развести костер, поставить заплату, могут спать в любых условиях и даже на ходу – иными словами, делать все то, что нужно на войне. И, разговаривая с солдатами, Ильин всегда невольно думал: «Ну, чего я его учу, ведь он в десять раз лучше меня все это знает».

Сергеев как-то не вытерпел и сказал ему:

– Товарищ лейтенант, очень прошу вас, есть у вас какое-нибудь сомнение, обращайтесь ко мне, а не к солдатам. Вот сегодня опять что-то у Сидорчука спрашивали. А вы его командир, вы для него должны быть богом, не он для вас, а вы для него. А получается наоборот.

– Ну какой же я бог, – конфузился Ильин, – когда бойцу показываю, как чучело надо колоть? Нет уж, бога из меня не получится, как хотите.

Так и не удалось Сергееву убедить Ильина. Он остался таким же, каким был.

И вот Ильин получил свое первое задание. К двум ноль-ноль его рота должна захватить сопку. Его рота. Даже как-то странно звучит – рота Ильина. Ему к этому так же трудно было привыкнуть, как и к тому, что солдаты ему козыряют и стоят перед ним навтыжку. Кстати, тут тоже была заслуга Сергеева, который неукоснительно требовал этого от бойцов, особенно по отношению к командиру роты. А командир только смущался и первое время тоже вытягивался перед бойцами, как они перед ним.

Так вот, к двум ноль-ноль 103,2 должна быть взята.

– 7 –

Ильин шел по лесу от комбата к себе, и в голове его неотвязно вертелось:

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны...
Он не помнил, откуда это, и чье это, и как оно ему в голову попало – стихов он не любил и знал их мало, – но вот лезут навязчиво строчки, и никак нельзя от них избавиться.

Где-то, совсем недалеко, справа, мигнул красный огонек сигарки, и невидимый в темноте часовой обругал курившего, тот что-то пробурчал в ответ и повернулся, очевидно, на другой бок – огонек погас.

Ильин на кого-то наткнулся.

– Кого ищете, товарищ лейтенант?

– Сергеева или Жмачука. Не знаете, где они?

– Так Жмачук же дежурный сегодня по батальону, – ответил голос снизу. – Его тут нет.

– А Сергеев?

– Сергеев? – Боец сел на корточки. – Во-он, видите, дуб здоровый. Если присмотреться, видно. С развилкой. Так от него шагов двадцать правее. Только у них малярия опять. С вечера еще затрясло.

– У кого, у Сергеева?

– Ага...

– Вот черт – Жмачука нет, Сергеев болен. А Вовк где?

– Там же, у дуба. Палатка там у них. Позвать, что ли?

– Нет, нет, не надо. Я сам.

– А то я мигом.

– Спасибо, не надо.

Вовка пришлось долго трясти, пока он не проснулся.

– Ну, чего? – он приподнялся на локте и приблизил свое лицо к лицу Ильина. – Это кто? Это вы, товарищ лейтенант?

– Я, я. Поднимайтесь.

– А что?

– На задание надо идти.

– На какое еще задание? – в голосе Вовка не слышалось ни малейшего азарта.

– Сейчас узнаете. Вставайте.

Вовк, ворча, стал искать сапоги.

– Тюлька! – заорал он на весь лес. – Куда ты сапоги дел, чертова голова?

Никто не ответил, и Вовк опять стал шарить вокруг себя.

– А о каком это задании вы говорите, товарищ лейтенант? – раздался вдруг слева голос Сергеева.

– Спите, спите, Сергеев. Я не к вам.

– А какое задание?

– Я не к вам, я к Вовку. Вергасов приказал высоту одну тут захватить. Вот и...

Сергеев сразу сел.

– Какую? 103,2?

– 103,2.

– Сейчас мы ее возьмем. Одну минуточку.

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
Сергеев оперся о плечо Ильина и встал. Даже сквозь гимнастерку чувствовалось, что рука у него горячая.

– Слушайте, у вас же это самое, куда вам, – запротестовал Ильин.

– А у вас – первое задание, – шепотом в самое ухо сказал Сергеев, и на Ильина пахло жаром. – Что важнее? А? Вовк все равно до утра сапоги искать будет.

Высота 103,2 находилась в полукилометре от занимаемой батальоном рожи. Попасть на нее можно было или прямо, перейдя дорогу, по равнине, или же слева, по так называемому Г-образному оврагу. Решили, что один взвод ударит в лоб, другой из оврага. Сергеев настаивал, чтобы удар прямо поручили ему, но Ильин заупрямился. Он считал, что по оврагу идти менее опасно, и ему было неловко посылать на более трудный участок Сергеева. Тому пришлось подчиниться.

В обороне остался взвод Вовка. Ильин взял солдат Жмачука, Сергеев пошел со своими.

Было около часа, когда оба отряда двинулись к высотке. Темень стояла адова. Небо с вечера затянуло тучами. Ильин к тому же был близорук, поэтому старался держаться Кошубарова, сержанта из взвода Жмачука, хвалившегося, что видит ночью как кошка. И действительно, он полз так быстро и уверенно, как будто по крайней мере раз десять здесь ползал и знает каждую кочку.

Ильин запыхался, с трудом поспевая за Кошубаровым, и все боялся, что солдаты потеряют направление или отстанут. Но солдаты не терялись и не отставали. Во время небольших передышек – пятьсот метров, да еще в темноте, в один прием не проползешь – Ильин слышал, как рядом с ним кто-то дышал, отряхивался, тихо сплевывал. Потом почудилось, что они не туда поползли, что высота осталась где-то значительно левее, что Сергеев давно сидит на исходной и нервничает и не может понять, что же случилось в конце концов. Условлено было начать бросок без всякого сигнала ровно в час сорок пять, но в последнюю минуту Ильин забыл поменяться с Кошубаровым часами (у того были светящиеся), и сейчас ему казалось, что положенный срок прошел и что ползут они никак не меньше часа.

Кошубаров неожиданно остановился и, когда Ильин к нему подполз, вытянул руку вперед.

– Видите?

Ильин напряг зрение, но ничего не увидел.

– Высотка, – задышал ему в ухо сержант. – Метров полтора осталось.

Ильин опять посмотрел, сощурил даже глаза, но так ничего и не увидел.

Снова поползли. Местность стала подниматься. Изредка попадались кустарники. Впереди вырисовывался гребень высотки – очевидно, взошла луна или тучи поредели, а может быть, просто потому, что подползли ближе.

Когда же до исходного для броска рубежа осталось каких-нибудь десять-пятнадцать метров, до слуха Ильина донеслась чья-то речь. Ее услышали все: движение разом прекратилось. Кошубаров прижался к земле и застыл.

Говорили немцы. Говорили вполголоса, но без всякой опаски, – они не подозревали, что противник может оказаться так близко.

Ильин напряг слух.

– Сколько там осталось? – донеслась сверху, чуть-чуть слева, гортанная немецкая речь.

– Штук десять, – ответил кто-то справа.

– А у Хельмута?

– У Хельмута не знаю. Штук пять, вероятно.

Немного погодя донесся и третий голос:

– Кончили первый ряд?

– Кончаем, – ответили справа. – Минут через пять кончим.

«Минируют... – мелькнуло у Ильина в голове. – Вот черт...» Он подполз к Кошубарову и в темноте нащупал его руку. На часах было четверть второго. Неужели так мало ползли?

– Минируют, сволочи... – еле слышно выругался Кошубаров; он тоже понял или догадался, о чем говорили немцы. – Что будем делать?

– Что будем делать?

Ильин впервые понял, вернее даже не понял, а почувствовал, что сейчас именно от него, а не от кого-либо другого зависит все дальнейшее. От того, как быстро он сообразит, и от того, как быстро принятое решение будет осуществлено, зависит не только его жизнь – как ни странно, сейчас он меньше всего думал о ней, – а жизнь двадцати человек, устами Кошубарова спросивших его: «Что будем делать?» От этого зависит успех всей операции. Там, в лесу, у комбата, и позже, когда они с Сергеевым собирались, он ловил себя на том, что больше всего ему хочется не подкачать, показать всем: Вергасову, Коновалову, майору Филиппову и даже милому, трогательному Сергееву, что вот он – шляпа, мямля, а тоже может кое-что делать. Детская черта, но что поделаешь, она была и проявилась у него здесь, на фронте, как невольный ответ на отношение к нему окружающих. Однако теперь, на склоне высоты, которую ему, лейтенанту Ильину, поручено было захватить, он и не думал об этом.

Он ощущал на себе взгляд Кошубарова и еще двадцати лежащих рядом с ним человек, понимал, что они с Сергеевым плохо условились, чего-то не учли, что-то прогляпили, понимал, что задача таким образом значительно усложнилась, но также понимал и то, что оправданием это служить не может. Приказано захватить высоту, и он должен ее захватить.

Он опять посмотрел на часы. Двадцать три минуты второго. Осталось двадцать две минуты... Он мысленно представил себе карту предполагаемой немецкой обороны, которую показывал в лесу Вергасов. Белый кружок от фонаря, коричневые горизонталы,двигающийся по ним палец. В кружке – высота, слева овраг, справа нечто вроде ложбинки и за ней пологий длинный подъем. Высота стоит как прыщ. Надо ее обогнуть и, пока не поздно, в условленный с Сергеевым час, ударить по немцам с тыла. Это единственный выход... Ударить с тыла.

– Хельмут. Алло, Хельмут! – донеслось сверху.

Ильин вздрогнул и зашептал Кошубарову:

– Пошли вправо. Ударим с тыла. Осталось двадцать минут.

Кошубаров энергично закивал головой и пополз. Гребень высоты остался слева.

– 8 –

– Ну, как наш Судак? Не присылал еще связного?

Коновалов подсел на корточки к Вергасову и пощекотал ему травинкой ухо.

– Рано еще. А ты чего не спишь?

– Не спится.

– Волнуешься?

– Что мне волноваться?

– Врешь, волнуешься. Я вот волнуюсь. – Вергасов сел и почесался, муравьи не давали покоя. – Черт его знает, может и вправду не надо было посылать.

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru

– Я ж говорил.

– Говорил, говорил... Все вы только говорите. – Вергасов поймал муравья и со злобой втоптал его каблуком в землю. – Командиры называется. Никогда ничего поручить нельзя. Все комбат сам должен делать, за всех отдуваться.

Вергасов встал.

– Пойди узнай, нет ли связного?

Коновалов отошел и почти сразу же вернулся. Связного не было. Вергасов посмотрел на часы – семь минут третьего – и пошел к опушке. Как будто немного посветлело, но высоты еще не было видно. Стояла тишина, чуть-чуть только шумели верхушки деревьев. Со стороны немцев не доносилось ни звука. Вергасов постоял несколько минут и пошел назад. Коновалов лежал на шинели и курил в кулак.

– Ну?

– Что ну? Сам не видишь, что ли? Третий час, а от него ни звука.

С опушки донесся хруст веток, словно кто-то ломал кусты.

– Кто идет? – окликнул часовой.

– Свои. Лещилин со второй роты. Где комбат?

– Здесь, здесь, – приглушенно крикнул Вергасов. – Давай сюда.

Подошел запыхавшийся боец.

– Взяли сопку?

– Нет еще. Вам записка от лейтенанта Ильина.

– Сопка мне нужна, а не записка. Записки еще пишет. – Вергасов выругался. – Ну, чего ты там возишься? Коновалов, посвети-ка.

В записке, написанной крупным кривым почерком с налезавшими друг на друга словами, – писалась она второпях и в темноте, – было сказано:

«Поймал языка. Выяснилось, что важнее захватить не 103,2, а следующую за ней. 103,2 блокирую. Захватываю следующую. Ильин.»

– Видал? – Вергасов затряс листком перед носом Коновалова. – Видал? Ему приказано взять сопку, взять, а он... «блокирую», понимаешь ли!

Вергасов скомкал листок и швырнул его наземь.

– Важнее другую брать... Он знает... Тоже полководец нашелся. И дернул меня черт посылать его. – Вергасов круто повернулся к бойцу. – Что это еще за сопка? Ты видел ее?

– Ага.

– Ты не агакай, а отвечай толком. Что это за сопка?

– Так за первой другая, поменьше.

– Ну?

– Лейтенант Ильин и решили ее взять...

– А кто ему разрешил? Кто разрешил, спрашивается? Кто? Русским языком было сказано – 103,2, а он...

– Так мы ж на мины напоролись, – оправдываясь, сказал боец.

– Какие там еще мины?

– Да фрицы ставили. Мы полезли, а они как раз ставят.

– Ну?

– Вот лейтенант Ильин и решили обойти их, с тыла ударить. А там как раз фриц связь тянул. В ложбинке, между большой и малой сопкой. Совсем случайно напоролись. Так он, этот самый фриц, сказал, что на той сопке оборону их солдаты роят...

– Ну и что? – перебил Вергасов. – Пускай себе роят.

– Так фриц же сказал, что там сейчас никого нет. А на этой, как ее, 103, что ли, рота саперов. НП делают. Так лейтенант решили...

– А ну его, твоего лейтенанта! Какие-то саперы, НП... Чего он воду мутит? – Вергасов осмотрелся по сторонам. – Поведешь меня туда. Пастушков! Тащи автомат! И Шутовых ко мне. Живо!

Через минуту явились Шутовы – батальонные разведчики, с которыми Вергасов всегда ходил на задания. Шутовы были близнецами, причем до того похожими друг на друга, что одному пришлось отпустить усы. И все знали: Борис с усам, а Глеб бритый. Все же остальное было одинаковым, даже татуировка одинаковая: на левой руке, немного выше запястья, у обоих были наколоты женские головки.

– Диски полные? – спросил Вергасов.

– Полные, – в один голос ответили Шутовы.

– Пошли тогда. Где этот, из второй роты?

Лещилин – самый быстроногий и толковый боец второй роты, всегда используемый как связной, – повел не прямо, а через Г-образный овраг. Вергасов заметил это не сразу, а уже около самой высоты и, несмотря на то что крюк отнял каких-нибудь пять лишних минут, пришел в еще большую ярость. Но они были под самой сопкой, и давать волю своей ярости никак нельзя было. Пришлось сдержаться, хотя Вергасов дошел, как говорится, до точки. Он даже не представлял себе, как будет говорить сейчас с Ильиным. Человеку в первый раз в жизни дают задание, ответственное задание, а он, вместо того чтобы его выполнять, пишет записки, теряет время. А через час-полтора будет уже совсем светло. Струсил, и все. Роты саперов испугался.

Вылезли из оврага и поползли – идти было опасно – по обратному скату холма. Сверху доносились приглушенные голоса и стук топора. Потом свернули налево и поползли в высокой, мокрой от предутренней росы траве. Вскоре наткнулись на окапывающегося солдата, затем на второго, третьего. «С ума спятил, ей-богу с ума спятил», – думал Вергасов, быстро пробираясь вслед за Лещилиным. Высота осталась позади, и оттуда изредка доносился только стук топора, голосов расслышать было нельзя.

– Сюда, товарищ комбат, сюда, – шепотом сказал Лещилин и пропустил Вергасова вперед.

– Кто это? – раздался голос Сергеева. Он сидел на дне ямы или воронки от бомбы – в темноте не разобрать.

Вергасов спустился туда же. Несколько секунд он молчал, тяжело дыша.

– Где Ильин? – спросил он сдавленным шепотом, переводя дыхание.

– Там. – Сергеев махнул рукой куда-то в пространство.

– Вы мне не рукой машите, а объясняйте толком. Где Ильин, я вас спрашиваю?

– На той сопке, где немцы оборону роят, – спокойно ответил Сергеев. – Вы разве не получили записку?

– Кой черт мне ваша записка нужна! Мне сопка нужна, понимаете, вот эта вот, что

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
у вас под самым носом, а не какая-то там... Почему вы ее не взяли, а?

Сергеев открыл было рот, чтобы ответить, но Вергасов не дал.

– Чтобы через пять минут Ильин был здесь. Ясно?

– Ясно, – ответил Сергеев. – Разрешите сначала объяснить?

– Ты сначала Ильина мне доставь, понятно? Очень мне нужны ваши объяснения. Испугались роты саперов – вот и все объяснение. Вояки называется!..

Вергасов отвернулся, давая понять, что ни в какие объяснения вступать не собирается.

Сергеев подозвал Лещилина и отправил его за Ильиным. Потом повернулся к комбату.

– Зря вы его за командиром роты послали.

– Почему зря?

– Честное слово, зря. Во-первых, пока он будет его искать, они уже там начнут...

– Я им дам начать!..

– А во-вторых, – продолжал Сергеев, – ведь все думали, что на этой высоте 103,2 только два пулемета и что их можно будет тихо снять. А оказывается, там НП строят. Чуть ли не рота саперов. Пришлось бы ввязываться в бой. А от пленного – товарищ лейтенант вам писал об этом, связиста тут одного поймали, он связь тянул – узнали, что основная оборона немцев проходит совсем недалеко отсюда...

Сергеев торопился изложить план Ильина. Он сидел на корточках рядом с Вергасовым на дне воронки и говорил, как всегда, очень сдержанно – это была его отличительная черта, – но внутренне волновался, боялся, что говорит недостаточно убедительно и что раздраженный Вергасов не даст ему договорить.

А план Ильина заключался в следующем.

Из показаний пойманного связиста – он сидел тут же, скрученный по рукам и ногам, с кляпом во рту – выяснилось, что метрах в ста пятидесяти – двухстах от высоты 103,2 есть еще одна, в районе которой немцы сейчас лихорадочно роют оборонительный рубеж. Пока он еще не занят пехотой, но через час будет поздно. Захватив вторую сопку, рота Ильина вклинится в немецкую оборону и парализует ее, одновременно отрезав от нее высоту 103,2. Если же атаковать саперов, это привлечет внимание противника, и он, спешно заняв оборону, не даст в нее вклиниться. Поэтому Ильин, боясь упустить время, самостоятельно принял решение – взвод Сергеева оставить для блокировки высоты 103,2, которую впоследствии нетрудно будет захватить, так как немецкие пулеметы этот скат не простреливают, а самому со своим взводом занять вторую высоту.

Таков был план. Со стороны он выглядел стройно и логично, придаться было не к чему. Но, если говорить прямо, Сергеев мало верил в его благополучный исход. Он боялся за Ильина, боялся, что тот с ним не справится. В таких делах нужен прежде всего военный опыт, а у Ильина его нет. Сергеев потому и пошел сам с командиром роты, что хотел, как всегда, быть при нем и так же, как на занятиях, незаметно руководить им.

Получилось иначе. Мало того, что Ильин придумал план – он взялся лично руководить самой его ответственной частью. Вот этого-то Сергеев и опасался. Но сейчас, когда Ильин с ротой находился на исходной и план фактически начал осуществляться, Сергеев понимал, что изменить ничего нельзя. Он считал своим долгом защищать принятое его командиром решение и делал это со всей убежденностью, на которую был способен.

– Вы понимаете, товарищ капитан, насколько мы выигрываем, – говорил он все тем же внешне спокойным тоном. – Надо только, чтобы оставшиеся две роты закрепили успех. У лейтенанта с собой всего два пулемета, а немцы, как увидят, сразу же начнут отбивать высоту. Ведь правда же?

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru

Вергасов ничего не ответил. Он почти не слушал Сергеева. Ему ясно было, что возложенное на командира роты задание не выполнено, высота не взята, то, о чем он писал в своем донесении командиру полка, не сделано. А все, что говорит Сергеев, чепуха. Выгораживает своего командира, который вообразил себя полководцем... Да что говорить! Это хороший урок Вергасову, чтобы знал, кого можно, а кого нельзя посылать на задания. Надо отстранить Ильина от командования ротой. Не его это дело. А теперь надо брать сопку.

Вергасов посмотрел в сторону уже отчетливо видневшейся высоты, соображая, как и откуда лучше всего нанести по ней удар. Потом повернулся к Сергееву:

– Отсюда ударишь, видишь? А Ильин оттуда, из оврага. В пять минут с этой петрушкой покончим, – он глянул на часы. – Куда он провалился, твой связной, черт бы его забрал...

Сергеев не успел ответить. Где-то совсем недалеко раздался выстрел. За ним второй, третий...

Оба переглянулись. Ильин начал свою операцию.

– 9 –

Когда Ильин писал записку Вергасову, он приблизительно догадывался, как она будет встречена комбатом. Вергасов самолюбив и не терпит, когда нарушают или изменяют отданные им распоряжения. То же, что собирался делать Ильин, можно было назвать и тем и другим. Правда, выражаясь уставным языком, это было скорее «самостоятельно принятым решением в связи с изменившейся обстановкой». Но как отнесется к этому самостоятельно принятому решению Вергасов, было более или менее ясно.

Еще по институту Ильин помнил, что экзаменуемые предпочитают, чтоб им отвечали именно так, как они читали на лекциях. Отклонение отнюдь не всегда повышало отметку – чаще всего результат оказывался как раз противоположным.

Когда Ильин писал записку, Сергеев ему сказал:

– А может, не стоит, товарищ лейтенант? Все-таки ваше первое задание...

Но он записку все-таки написал и на задание пошел сам: Сергеев остался блокировать сопку.

Ильин лежал на животе, сжимая руками автомат, и ждал, когда вернутся двое разведчиков, которых он на всякий случай послал проверить, нету ли здесь минного поля. Восток заметно посветлел, и Ильин ясно различал фигуры двух бойцов, лежащих правее его. «Вот они лежат, эти двое бойцов, – думал он, – а за ними еще восемнадцать человек лежат и ждут сигнала. А когда будет сигнал, – и сигнал этот даст именно он, Ильин, – они вскочат и побегут вперед, и кто-то из них, возможно, будет ранен или убит, и они это знают и, конечно, волнуются, хотя все они стрелянные-перестрелянные. Волнуются и в то же время спокойны – у них есть приказ, и от них требуется только одно – выполнить его. Но достаточно ли этого? Ведь они знают, – а солдаты всегда все знают, – что комбат приказал брать другую высоту. И, может, этот вот боец из новичков, лежащий в десяти шагах от него, – Ильин почему-то хорошо запомнил его круглую, коротко остриженную голову, по которой так и хотелось провести ладонью, такая она была мягкая, точно плюшевая, – может, он лежит сейчас и думает: „И что это лейтенант мудрит?“ – короче, не верит ему. А солдат в первую очередь должен верить командиру, верить, что не зря пойдет под пули...»

Самое трудное на фронте – принять решение, иными словами, взять на себя ответственность за все последующие события, за то, что люди, судьба которых в твоих руках, если даже и погибнут, то погибнут выполняя задачу, в правильности которой ты, во всяком случае ты, абсолютно уверен.

Да, это и есть самое трудное на войне – принять решение, а приняв, твердо выполнять.

Впереди что-то задвигалось. Разведчики? Так и есть. Митрохин и Андронов. Запыхавшись, давясь от шепота, докладывают, что мины не обнаружены. Так... Ясно. Ильин посмотрел на часы – он взял на время атаки у Кошубарова его, светящиеся.

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
Вот когда минутная стрелка доползет до цифры три, он даст сигнал...

– Товарищ лейтенант...

Ильин вздрогнул. Рядом с ним лежал Лещилин.

– Комбат вас к себе вызывает.

– Где он? – еле слышно спросил Ильин.

– У нас. В воронке, где командир взвода, – так же тихо ответил Лещилин.

Ильин понял все. Случилось то, чего он больше всего боялся. Вергасов пришел, чтобы отменить его решение. Он, вероятно, в бешенстве. Ильин даже представил себе лицо комбата – побледневшее, с сжатыми губами, сощуренными, колючими глазами. Сейчас еще не поздно. Можно вернуть назад бойцов и ударить по 103,2. Но нужно ли? Правильно ли это будет?

Ильин закрыл глаза – он всегда так делал, когда хотел сосредоточиться. Открыл их. Восток посветлел, тучи рассеялись, и слева, на чуть-чуть порозовевшем небе, можно было различить очертания небольшой рощицы.

Правильно ли это будет?

С точки зрения дипломатической, чтоб не обострять отношения с начальством, – да, правильно. С точки зрения военной, тактической целесообразности – нет, не правильно...

Минутная стрелка проползла через тройку и медленно приближалась к цифре четыре. Ильин наклонился к Лещилину и сказал ему в самое ухо:

– Через минуту я поднимаюсь в атаку. Скажи комбату, надо прислать для закрепления роту Коновалова. Беги...

В тот момент, когда он подносил свисток к губам, чтобы дать сигнал, он почувствовал, как сердце его на мгновение остановилось.

Потом он бежал по склону сопки, сжимая в руках автомат, и ему было почему-то легко и весело, и, пробегая мимо солдата с плюшевой головой, он не выдержал и крикнул:

– Давай, друг, давай!

И тот дружелюбно откликнулся:

– Даем, лейтенант, даем!

– 10 –

Вечером того же дня Вергасов возвращался из штаба дивизии. Его вызывали, чтобы он нарисовал точную картину операции, которая расстроила всю немецкую оборону, дала возможность дивизии продвинуться вперед чуть ли не на шесть километров и захватить три дальнобойных батареи противника, не успевшего их эвакуировать. В штабе все жали Вергасову руки, поздравляли, хлопали по спине, приговаривая: «Наш Вергасов не подкачает», – и только начальник штаба, толстенький, с бритой, чтобы не видно было лысины, головой, пронизательный полковник Шаронов, отвел его в сторону и сказал: «Все очень хорошо, капитан, но сообщить надо было не тогда, когда уже взял высоту, а когда решил ее брать. Сюрпризы на войне дело опасное, даже хорошие».

Командир дивизии тоже поздравил Вергасова, а на слова Вергасова, что основная заслуга в этой операции принадлежит командиру роты лейтенанту Ильину, комдив только улыбнулся:

– Не скромничай, Вергасов, тебе не идет. Комроты комротой, а комбат комбатом. Не первый день все-таки воюю.

И то, что Вергасов не нашелся, что ответить, и не только комдиву, а и всем остальным, и то, что он нес сейчас в левом кармане гимнастерки приказ, в котором

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
ему выносилась благодарность «за блестяще проявленную инициативу в сложных условиях ночного боя, приведшую к значительным тактическим успехам», а Ильину только «за хорошо выполненную операцию по захвату высоты Безымянной», – было ему неприятно.

Только сейчас до Вергасова дошло, что случилось там, у подножья сопки. Он был взбешен, а значит, и слеп. Он не хотел вникать в план Ильина, он расценивал его как бессмысленную, глупую затею. И попадись ему под горячую руку Ильин, бог знает что бы могло произойти. Но Ильин, к счастью, не подвернулся, а Вергасов был прежде всего командиром, то есть человеком, для которого важнее всего исход операции, поэтому, хотел он этого или не хотел, в сложившейся обстановке он вынужден был подчиниться инициативе своего командира роты. Выход остался один – подтянуть батальон, помочь второй роте закрепиться, попытаться ликвидировать собственными силами сопротивление высоты 103,2 и немедленно, самым срочным образом донести обо всем командиру полка. Так он и сделал.

Результаты превзошли все ожидания. Ильин захватил сопку, не потеряв ни одного человека, хотя небольшого боя избежать не удалось – на сопке оказалась группа ничего не ожидавших связистов. К моменту, когда противник, услышав перестрелку, стал лихорадочно перебрасывать свои батальоны, чтобы занять оборону в подготовленных траншеях, на помощь Ильину подоспела рота Коновалова. Гитлеровцы были встречены пулеметным огнем, растерялись и побежали. В образовавшийся прорыв ринулся батальон Вергасова, два других ударили с фланга. Только-только намечавшаяся на этом участке фронта оборона немцев была прорвана, дивизия продвинулась на всей полосе почти на шесть километров. Это был большой успех.

Вергасов медленно ехал по лесу. Он устал. Устал от бессонной ночи, от обильного событиями дня, от бурного приема в штадиве. Ехал не торопясь, по реденькому лесочку, лениво похлопывая Серка прутиком. Ему не хотелось в батальон. Он знал, что увидит там Ильина, которого не видел с тех пор, как отправил его на задание, знал, что придется с ним разговаривать, но не представлял себе – как и о чем, и вообще черт его знает, как себя с ним держать.

Вергасов сделал крюк, заехал зачем-то на высоту 103,2, забрался на Безымянную. В немецких окопах толкались чужие артиллеристы, устанавливали орудия, весело переругивались. Пробегавший мимо солдат, чему-то смеясь, спросил его: «Вы кого ищете? Не Титова, часом?» Вергасов ничего не ответил и поехал дальше.

Батальон расположился в крохотной курчавой рощице, в брошенных немцами землянках. Его перевели во второй эшелон, и бойцы, чувствуя солдатским чутьем, что ночью их никуда не двинут, слонялись, несмотря на усталость, по роще, латали обмундирование или просто валялись, собравшись группами, о чем-то вспоминая и весело хохоча.

На опушке уютно дымила походная кухня, и кто-то кричал, что кухня их демаскирует, а повар Севрюк, как всегда, не обращал на это внимания. На ветках сохли портянки. Комсорг Межуев выпускал боевой листок – десятый за последнюю неделю, больше, чем во всех других подразделениях полка. Около кухни бренчала гитара, и по тому, что бренчала она невероятно фальшиво, можно было догадаться, что занимается этим Коновалов. В воздухе пахло смешанным запахом потревоженного прелого листа, конского навоза и сохнувших портянок. Из-за соседней рощи медленно на светлое еще небо вылезал совсем молоденький месяц, и казалось, что, зацепившись нижним рогом за деревья, он никак не может из них выбраться.

Вергасов подъехал к штабной землянке – аккуратному немецкому блиндажу с нарисованной черной краской на двери летучей мышью. Это был опознавательный знак стоявшей здесь немецкой части – мышь наляпана была буквально на всем, даже на уборной.

У блиндажа на корточках сидел Пастушков, рассматривая разложенные на земле штаны и, очевидно, обдумывая, как поставить заплату. Увидев комбата, он не спеша встал и свернул штаны.

– Серка расседлывать? – спросил он, и в самом тоне вопроса, и в том, что за ним не последовало обычных других, Вергасов отметил что-то новое, не такое, как бывало всегда.

Сидевший в землянке за очередным донесением писарь посмотрел на него тоже как-то

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
необычно, боком, начштаба же поднял лишь голову и спросил: «Ну, что там нового?»
– повернулся на другой бок и сразу же захрапел.

Вергасов молча вышел. У входа, уткнувшись лицом в сумку от противогаза, спал батальонный почтальон. Вергасов остановился над ним.

– Другого места не нашел? Под самым штабом развалился.

Солдат суетливо встал, одергивая гимнастерку. Взгляд Вергасова скользнул по его растерянному, не проснувшемуся еще лицу и упал на летучую мышь на дверях.

– Сотри ее... К чертовой матери! – и посмотрел опять на почтальона. – А то дрыхнут, дрыхнут, круглые сутки дрыхнут.

Вергасов прошел на кухню, в обоз, забраковал кашу, отчитал помпохоза за неподкованных до сих пор лошадей, вернулся в рошу, постоял над Межуевым, который рисовал карикатуру на потерявшего лопату бойца третьей роты – лопата была почему-то в два раза больше бойца, но солдатам карикатура нравилась, и они весело над ней смеялись, – и лишь тогда направился к Ильину.

Ильин сидел на патронном ящике и брился. Увидев комбата, встал.

– Продолжайте, продолжайте, – сказал Вергасов и после небольшой паузы добавил: – Красоту наводите?

– Тороплюсь, пока совсем не стемнело.

Вергасов сел на пенек. Ильин, сморщившись, брил губу.

– Вы безопасной бреетесь? – спросил Вергасов.

– Угу, – не открывая рта, ответил Ильин.

Больше они не произнесли ни одного слова до самого конца бритья. Когда бритье кончилось и кругом на полверсты запахло тройным одеколоном, Вергасов вынул из кармана сложенный вчетверо листок и протянул его Ильину.

– Прочитайте.

Ильин развернул листок. Это был приказ по дивизии. Он читал его долго, все время кивая головой, видимо одобряя.

– Что ж, очень приятно. Ничего не скажешь, очень приятно, – он даже слегка покраснел. – Только вот машинистка у них не очень-то. Ваша фамилия разве через "ы", Выргасов?

Вергасов, не глядя, положил в карман приказ. Долго застегивал пуговицу. Потом сказал:

– Я не буду его зачитывать перед строем.

– Почему же? – удивился Ильин. – Такой приказ и не зачитать? Ведь солдаты...

– Вам должно быть ясно, почему я не могу его читать.

– Нет, не ясно.

Вергасов исподлобья посмотрел на Ильина.

– Я хотел вас отстранить от командования ротой, – глухо сказал он. – Знаете вы это или нет? И именно за то, за что вы... и я, – добавил он совсем тихо, – получили сегодня благодарность. – И помолчав: – Теперь ясно?

– Если из-за меня, – тихо сказал Ильин, – то не стоит. Я не придаю этому никакого значения. Я понимаю, что...

– Нет, не понимаете. В том-то и дело, что не понимаете. И очень многого не понимаете. – Вергасов искоса, не поворачиваясь, глянул на Ильина. – А я,

Судак. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
оказывается, и того больше...

Он наклонился, поднял с земли гильзу от патрона, некоторое время ее разглядывал, потом размахнулся и запустил ее.

– Когда бросаешь, надо бросать всем телом. Ясно? И вообще... Пошли ко мне, а?

Ильин сразу даже не понял:

– Куда?

– Ко мне. У меня коньяк трофейный есть.

Ильин сконфуженно улыбнулся.

– Я же, вы знаете, товарищ капитан, не очень-то...

– А кофе вы пьете? – перебил Вергасов, и в глазах его появилось то веселое, мальчишеское выражение, которое так нравилось всегда Ильину.

– Кофе пью.

Вергасов рассмеялся.

– Севрюк-то наш, повар, целый мешок кофейных зерен раздобыл. И не знает, что с ними делать. Целый час, говорит, варю, варю, и ни черта не получается. Сергеев! – крикнул вдруг Вергасов так, что сидевший неподалеку солдат испуганно обернулся. – Или кто это там сидит? Будут спрашивать командира роты, скажешь, что у комбата, коньяк пьет...

1958

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nekrasovvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!